

Научная статья

УДК 008

doi: 10.17223/22220836/47/6

ПСЕВДОМОРФОЗ КАК ФОРМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ПО МОТИВАМ «ЗАКАТА ЕВРОПЫ» О. ШПЕНГЛЕРА

Иван Владимирович Леонов

*Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия, ivaleon@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена «псевдоморфозу» как форме межкультурного взаимодействия, выраженного в проникновении феноменов одной культуры в пространство другой, с последующим замещением ее содержания и заполнением формы. Введенный О. Шпенглером термин и его смысловая составляющая, по аналогии с «псевдоморфозом» в минералогии, были обоснованы ученым на двух историко-культурных примерах. В тексте предпринимается попытка развить положения Шпенглера в отношении понимания природы псевдоморфоза в культуре. Анализируется определение псевдоморфоза, данное немецким ученым, уточняется его перевод на русский язык. Фиксируются различные формы и масштабы псевдоморфоза. Историко-культурные примеры данного явления приводятся на уровне распространения греческого, римского, европейского и глобализационного влияния на иные культуры. Кроме того, затрагиваются примеры искажения феноменов культур, которые, будучи в иной среде, сами преломляются настолько, что перестают соответствовать природе породившей их культуры. В данном случае примером является преломление египетской, китайской и в целом восточной культуры в западноевропейском культурном пространстве. Кроме того, приводятся и иные примеры. Ставится проблема соотношения монолога, псевдоморфоза и диалога в межкультурных взаимодействиях.

Ключевые слова: псевдоморфоз, взаимодействие культур, культурный организм, культурное наследие, глобализация, диалог, монолог

Для цитирования: Леонов И.В. Псевдоморфоз как форма межкультурного взаимодействия: по мотивам «Заката Европы» О. Шпенглера // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 47. С. 69–82. doi: 10.17223/22220836/47/6

Original article

PSEUDOMORPHOSIS AS A FORM OF INTERCULTURAL INTERACTION: BASED ON “THE DECLINE OF THE WEST” BY O. SPENGLER

Ivan V. Leonov

St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russian Federation, ivaleon@mail.ru

Abstract. The article is devoted to “pseudomorphosis” as a form of intercultural interaction, expressed in the penetration of the phenomena of one culture into the space of another, followed by the replacement of its content and filling out the form. Introduced by O. Spengler, this term and its semantic component, by analogy with “pseudomorphosis” in mineralogy, were justified by the scientist on two historical-cultural examples. The text attempts to develop the provisions of Spengler in relation to the understanding of the nature

of pseudomorphosis in culture. The definition of pseudomorphosis given by the German scientist is analyzed and refined, its translation into Russian is corrected. In a broad sense, pseudomorphosis is defined as the process and result of the penetration of the phenomena of some cultures into others, followed by filling the space of host cultures with foreign content and reducing their uniqueness and originality, until their complete loss. Besides that, this process includes the distortion of the phenomena of penetrating cultures, which, being in a different environment, are refracted so that they cease to correspond to the nature of the culture that gave rise to them. The question of heuristic significance of analogies with natural processes used in research of historical and cultural reality is considered. This aspect is supported by such examples as the organicism of Gerder, Goethe and N.Y. Danilevsky; cyclic views of many researchers, which are justified at the level of cycles underlying natural processes; “diffusionism” in the study of intercultural interactions; evolutionism in historical and cultural studies; synergetic interpretations of culture and its dynamics. Starting from the analogies of Spengler, fixed by him at the level of the natural science, the various forms and scales of pseudomorphosis in culture are identified: “monocultural” and “multicultural”; “full” and “partial”; pseudomorphs of “vesting”, “substitution” or “displacement”; “negative” and “aggregative”. Historical-cultural examples of this phenomenon are given at the level of the spread of Greek, Roman, European and globalization influence on other cultures. In addition, examples of distortion of cultural phenomena that exist in a different environment, themselves refracted so that no longer correspond to the nature of the culture that gave rise to them, are touched upon. In this case, the example is the refraction of the Egyptian, Chinese, and, in general, Eastern cultures in the Western European cultural space. Besides, there are other examples. The problem of the relationship of monologue, pseudomorphosis and dialogue in intercultural interactions is posed.

Keywords: pseudomorphosis, interaction of cultures, cultural organism, cultural heritage, globalization, dialogue, monologue

For citation: Leonov, I.V. (2022) Pseudomorphosis as a form of intercultural interaction: based on “The decline of the West” by O. Spengler. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 47. pp. 69–82. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/47/6

Проблематика статьи основана на растущих процессах культурных смещений, а также на многочисленных упрощениях и искаженных представлениях о различных культурах и их наследии, распространяемых в условиях современного мира. Одним из проявлений данной тенденции является *псевдоморфоз*.

Впервые явление псевдоморфоза в развитии и взаимодействии культурных организмов было зафиксировано и изучено О. Шпенглером во втором томе его фундаментального труда. Заимствовав термин «псевдоморфоз» и его смысловую нагрузку из минералогии, Шпенглер перенес его на историко-культурную реальность, на уровне красивых аналогий. В частности, немецкий ученый пишет: «В слой скальной породы включены кристаллы минерала. Но вот появляются расколы и трещины; сюда просачивается вода и постепенно вымывает кристалл, так что остается одна пустая его форма. Позднее происходят вулканические явления, которые разламывают гору; сюда проникает раскаленная масса, которая затвердевает и также кристаллизуется. Однако она не может сделать это в своей собственной, присущей именно ей форме, но приходится заполнить ту пустоту, что уже имеется, и так возникают поддельные формы, кристаллы, чья внутренняя структура противоречит внешнему строению, род каменной породы, являющийся в чужом обличье. Минералоги называют это псевдоморфозом» [1. С. 193].

Необходимо добавить, что будучи минеральными образованиями, внешняя форма которых не соответствует их составу, а всего лишь унаследована

от первоначальных минералов [2. С. 272], явления псевдоморфоза не всегда ограничиваются только минералами, нередко включая и другие вещества, а также такие вариации, как «фитоморфоз» и «зооморфоз», т.е. проникновение минералов и иных веществ в останки биологического происхождения с их замещением и обретением их формы.

Характерным примером псевдоморфоза в культуре, возникшего еще в начале Нового времени и продолжающего проявляться в глобальном мире, служат всевозможные интерпретации культурного наследия Древнего Египта, имеющие к реальной древнеегипетской культуре лишь отдаленное отношение. Речь идет о бытовании внешних форм и визуальных образов древнеегипетской культуры в западноевропейском (и далее глобальном) культурном пространстве на уровне поверхностного, искаженного или попросту ложного восприятия их смысловой нагрузки, наполняемой множеством вымыслов, мистификаций и предрассудков, бытующих в массовой культуре. В качестве простого примера можно привести проникновение мотивов гробниц и саркофагов в жилые интерьеры европейцев Нового и Новейшего времени. И в данном случае многие потребители не задумываются, что их окружают стилизованные образы захоронений, а также «разновидности традиционных гробов». При этом повседневная и светская компоненты культуры Египта были достаточно развиты и вполне могли бы найти отклик у европейцев. Однако мотив непонятного и загадочного Египта, насыщенного мумиями и завораживающими мистификациями, многие из которых были рождены еще в ту пору, когда не был найден Розеттский камень и не производились активные раскопки, прочно укоренились в сознании многих наших современников. Как следствие, продолжающийся псевдоморфоз наследия Древнего Египта в глобальной культуре привел к тому, что древнеегипетские «каменные формы» наполнились иным – «силиконовым», пластмассовым и чужеродно-смысловым содержанием.¹

Псевдоморфоз¹, выраженный в проникновении феноменов одной культуры в пространство другой с различными степенями замещения ее содержания, может быть воспринят достаточно широко. Иначе говоря, его можно свести к любым формам межкультурных контактов и взаимодействий в широком пространственно-временном диапазоне, ведущих к проникновению инородного содержания в формы различных культур. В своей крайности такой подход может представить даже диалог культур как почву для «мягкого» псевдоморфоза. Отмеченная ситуация высвечивает задачу определения четких критериев, по которым явления псевдоморфоза в культуре могут отграничиваться от иных форм межкультурных контактов и взаимодействий.

В данном случае ответ вытекает из общей логики основного труда О. Шпенглера, исходившего из неповторимости природы и своеобразия каждого «культурного организма». В вопросах взаимодействия культур и возможности возникновения понимания между ними Шпенглер отталкивался от положения, согласно которому результаты деятельности каждой отдельной

¹ В минералогии понятие «псевдоморфоз» употребимо в женском роде. В культурологии преобладает его употребление в мужском роде. Во многом данная ситуация обусловлена тем, что в переводе второго тома «Заката Европы» (пер. И.И. Маханьков, 1998) данное слово представлено в форме мужского рода, получив соответствующий «импульс» к распространению в российской гуманитарной традиции.

культуры носят неповторимый характер и образуют целостное, гармонично организованное единство продуктов деятельности. Соответственно, каждый организм, в интерпретации немецкого ученого, наделяется уникальным образом (или гешталтом) мира, который, в зависимости от конкретно-исторических условий бытия культуры, может выразиться в особых верованиях, философии, научных знаниях, искусстве и языке, в присущих только данному гешталту обрядах и ритуалах, ценностях и смыслах, средствах и результатах материальных преобразований действительности и т.д. При этом все перечисленное носит взаимосвязанный и взаимообусловленный характер, отражая «внутренний мир» культуры. К возможности «погрузиться» в иной культурный организм с целью понять его внутренний строй, картину мира и результаты деятельности Шпенглер относился крайне скептически, полностью ее отвергая. Однако в конце жизни Шпенглер несколько смягчил свое мнение о невозможности адекватного взаимодействия и понимания между культурными организмами. Ученый постепенно пришел к признанию некоторых форм взаимопроникновений и заимствований как не лишенных искажений, но все же состоятельных. На это указывает немецкий исследователь творчества Шпенглера Антон Коктанек, отмечая, что уже в 1924 г. Шпенглер отказался от идеи непреемственности («Diskontinuität» по-нем.) культур в связи с изучением древних культур [3. S. 360].

Исходя из данного видения, Шпенглер понимал под псевдоморфозом высокую степень вмешательства и проникновения феноменов одного культурного организма в другой, провоцирующего утрату специфики и внутренней органики последнего. Речь о том моменте, когда определенный организм перестает быть собой на фоне искажения собственного содержания и превращения в нечто иное. Однако каковы критерии фиксации данного процесса, т.е. констатации псевдоморфоза, Шпенглер в строгом смысле не указывает, ограничиваясь лишь его краткой характеристикой и несколькими примерами, на основании которых мы и можем отследить критерии псевдоморфоза в культуре, на которые ориентировался немецкий ученый.

Относительно псевдоморфоза в культуре Шпенглер дает следующее определение: «Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот – ее родной, не в состоянии задышать полной грудью и не только что не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания. Все, что поднимается из глубин этой ранней душевности, изливается в пустотную форму чуждой жизни; отдавшись старческим трудам, молодые чувства костенеют, так что где им распрямиться во весь рост собственной созидательной мощи?! Колоссальных размеров достигает лишь ненависть к явившейся издалека силе» [1. С. 193].

К немногочисленным примерам псевдоморфоза Шпенглер относит арабскую культуру. Говоря о культуре арабов, ученый отмечает, что в ареале ее становления, т.е. в регионе древнейшей вавилонской цивилизации начиная с 300 г. до н.э. прошла мощная волна «пробуждения» «юных» народов, населявших отмеченную территорию, сопровождавшаяся возникновением характерного мироощущения. Однако в данный регион явились македоняне, «накрыв» его «тонким слоем античной цивилизации», как и некоторые дру-

гие территории. В результате указанные народы попали под воздействие мощного античного «духа», исходящего от удаленного центра. Так был подготовлен процесс псевдоморфоза [1. С. 194–196].

Вторым примером рассматриваемого явления, по Шпенглеру, является культура петровской Руси, когда с «...основанием Петербурга (1703) следует псевдоморфоз, втиснувший примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем – XIX столетия. Петр Великий сделался злым роком русскости» [Там же. С. 197]. Московский царизм был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы; тяга к святому югу, Византии и Иерусалиму, глубоко заложенная в каждой православной душе, обратилась светской дипломатией, с лицом, повернутым на Запад; были заведены поздние искусства и науки, просвещение, социальная этика, материализм мировой столицы и т.д. – «Все, что возникло вокруг, с самой той поры воспринималось подлинной русскостью как отрава и ложь. Настоящая апокалиптическая ненависть направляется против Европы» [Там же. С. 198].

Так сложилось, что предложенная Шпенглером концепция псевдоморфоза в культуре, за редким исключением, не получила широкого распространения в европейской науке. Среди немногих примеров использования данного термина в шпенглеровской традиции выделяется книга немецкого и американского философа Ганса Йонаса о гностицизме. Рассматриваемый термин применяется в ней в отношении описания распада греческой мысли, оказавшейся «более старым кристаллом» в сравнении с восточной мыслью, заполнившей греческую форму в качестве новой субстанции. Так под влиянием духовной монополии Греции состоялся «...рост невидимого Востока, чья тайная жизнь формировала антагонистическое подводное течение под поверхностью общенародной эллинистической цивилизации» [4. С. 40]. Кроме того, термин «псевдоморфоза» используется в работах Г.В. Флоровского в отношении характеристики некоторых периодов в развитии русского религиозного сознания и православной мысли. Например, автор фиксирует период «романизации Православия», т.е. его «латинскую псевдоморфозу» в XVII в., а также «протестантскую псевдоморфозу церковности», ставшую следствием «Петровской Реформации» [5. С. 71, 122].

Таким образом, псевдоморфоз в культуре представляет собой результат проникновения феноменов одного культурного организма в пространство другого, вызывающий нарушение его своеобразия и внутренней органики, т.е. явные искажения его природы, с возможностью ее полной подмены.

Тем не менее *определение, которое О. Шпенглер дал историческому псевдоморфозу, достаточно узкое, как и представленные ученым немногочисленные примеры, отражающие данное явление.* Дело в том, что псевдоморфоз в историко-культурном взаимодействии встречается гораздо чаще, его формы многообразны, а его присутствие на фрагментарном уровне носит распространенный характер, встречаясь практически в каждом культурном организме.

В данном случае представляется уместным несколько расширить определение псевдоморфоза, предложенное немецким ученым и применяемое им в отношении взаимодействующих культурных организмов, адаптировав его к современной историко-культурной реальности. Кроме того, помимо «расши-

рения» определения, данного Шпенглером, необходимо также несколько уточнить перевод определения «псевдоморфоза» для его максимального соответствия сути теории немецкого ученого.

В первую очередь, в рассмотрении межкультурного взаимодействия, рождающего псевдоморфоз, Шпенглер исходит из того, что одна из культур – «древняя», а вторая, которая становится объектом псевдоморфоза, – «юная».

При псевдоморфозе «древняя», точнее «старая культура» (*«alte Kultur»* [6. S. 227]), будучи более развитой, своим влиянием сильно искажает (но не губит) молодую культуру, которая собственного выражения своей души пока не нашла. Критерий «старости» культуры, который использует Шпенглер, вполне применим к последовательно сменяющим друг друга культурным организмам, которые в масштабах макроистории «наплывают» друг на друга и в той или иной степени влияют друг на друга. Старшие культуры в такой последовательности, следуя логике жизненных циклов организмов, предстают как более окрепшие и сильные. Однако нередко в современном мире относительно молодая культура может заполнять пространство старых культур, вытесняя их из собственной формы. Наиболее ярким примером в данном случае являются вестернизация и глобализация, феномены которых во многих случаях, подобно инородному содержанию, проникают в пространство традиционных культур, заполняя его практически полностью. Соответственно, вслед за С.А. Королевым, также исследующим данный вопрос [7. С. 39], согласимся с тем, что провоцировать псевдоморфоз может не только старая, но и взрослая, и даже юная культура, склонная к экспансии, более развитая в какой-то отдельной или нескольких сферах, нетипичных или чуждых органике тех культур, в пространство которых она проникает. Таким образом, возраст проникающей культуры не является строгим маркером псевдоморфоза, хотя и не лишен оснований.

Примечательно, что сам Шпенглер несколько отступает от своего определения, касаясь примера с русской культурой XVIII в. Дело в том, что русская культура в интерпретации Шпенглера является далеко не молодой, когда ее касается псевдоморфоз. Для немецкого ученого русская культура начинается с Киевской Руси, а не с XIII, XIV вв. и Куликовской битвы, как это, к примеру, обозначено у Л.Н. Гумилёва. Она попала под влияние инородной культурной составляющей, будучи развитой в достаточной мере.

Во-вторых, определяя «чуждость» культуры как критерий, Шпенглер достаточно точен. Но в данном случае уместно вспомнить, что Шпенглер исходил из неспособности организмов культуры полностью и адекватно понимать друг друга, воспринимать и чувствовать мир так, как это свойственно представителям других организмов. В таком ракурсе все культуры предстают друг для друга как по-своему «чуждые». Но такой взгляд слишком категоричен (не зря Шпенглер в конце жизни был склонен смягчить его). Разумеется, из логики его работы совершенно понятно, что под чуждой понимается культура, которая имеет максимальную степень несоответствия всему строю другого культурного организма. При этом четкие параметры отмеченной «чуждости» на теоретическом уровне Шпенглер не формулирует.

В рассматриваемом вопросе можно говорить о разных степенях близости между культурами, которые в своих крайностях обеспечивают возможность гармоничного или псевдоморфического взаимодействия между ними. И, со-

гласно логике Шпенглера, псевдоморфоз может быть зафиксирован тогда, когда определенная культура начинает частично или полностью утрачивать возможность выражать свою «душу», т.е. перестает проявлять себя согласно своей природе. Однако вопрос определения четких параметров псевдоморфоза, с соответствующими статистическими данными и иными маркерами их фиксации (скажем, в духе культурных измерений Г. Хофстеде), остается открытым, позволяя при желании фиксировать элементы псевдоморфоза повсеместно. И последнее будет не столь большой ошибкой, *поскольку «чистые псевдоморфозы» случаются относительно редко, и в большинстве случаев речь идет о различных степенях замещения и масштабах распространения псевдоморфоза.*

В данном случае показателен взгляд Шпенглера на псевдоморфоз русской культуры, «впитавшей» в XVIII в. чужую культуру Европы. При этом Шпенглер не останавливается на том, что многие достижения, открытия и идеи, возникавшие в России в период, когда в нее проникла фаустовская культура, вряд ли воспринимались как чужие, – речь о А.С. Пушкине, Н.В. Гоголе, русском космизме и т.д. В России по-прежнему многое носит византийский, православный характер, она не стала абсолютно чуждой самой себе и допетровскому времени.

В-третьих, фраза «край этот – ее родной» в немецком оригинале звучит более банально. Имеется в виду только, что определенная культура находится в определенном крае (Land здесь в смысле определенного географического пространства) и там развивается; это в оригинале – просто пространство, где развивается одна культура. «Land» по-немецки – достаточно конкретное слово: страна, край; «auf dem Lande»: за городом, в деревне. «Bundesland» – административная единица Германской Федеральной Республики (приблизительно как «область» по-русски).

В-четвертых, под фразой «этой ранней душевности» имеется в виду «душа» определенной молодой культуры, которая, естественно, имеет свое собственное восприятие мира и пространства, но не может его развивать вследствие давления другой культуры. В рассматриваемой фразе «Seelentum» переведено как «душевность», ибо «Seele» = душа; как следствие, немного теряется идея уникальности души каждого организма, преобразующейся вместе с ним. Душа у каждого организма неповторимая и присущая только ему. В свою очередь, «душевность» может восприниматься как общее нравственное качество всех культур, что не соответствует смыслу текста Шпенглера.

Наконец, отрывок «Все, что поднимается из глубин этой ранней душевности, изливается в пустотную форму чуждой жизни; отдавшись старческим трудам, молодые чувства костенеют, так что где им распрямиться во весь рост собственной созидательной мощи?!» отражает общую логику псевдоморфоза культуры с точки зрения О. Шпенглера, согласно которой неспособная получить своего выражения душа молодой культуры наталкивается на чуждую, старую и явившуюся издалека культурную субстанцию, «изливаясь» в ее форму. Иначе говоря, молодая культура проникает в форму явившейся извне чуждой культуры. Тем не менее логика протекания псевдоморфоза может восприниматься двояко и выражаться в том, что чуждая культура проникает в форму определенной молодой культуры, пребывающей в некоем краю, постепенно замещая ее содержание и заполняя форму (причем данный сценарий

носит более приближенный к минералогическим аналогиям характер!). Соответственно, при псевдоморфозе культуры может меняться как ее внутреннее содержание, так и внешние характеристики.

Кроме того, при анализе смысловой нагрузки понятия «псевдоморфоза» в культуре встает проблема его *процессуальности*. Дело в том, что рассмотрение данного явления как своеобразного результата на тот или иной момент времени лишает нас возможности отслеживать его генезис, включая причины, ход протекания и возможные последствия. В данном случае, несколько расширяя содержание понятия «псевдоморфоза» в минералогии, в гуманитарной сфере вполне уместно добавить в него процессуальную компоненту. В отношении данной характеристики метаморфоза вновь уместно обратиться к работе С.А. Королева, который указывает, что псевдоморфоза это не только особый исторический феномен, но и специфическая составляющая развития, присущая определенным странам, в частности, России, «инверсивная» история которой включает череду «псевдоморфозных поворотов», которые в чем-то органичны ее культуре [7. С. 38].

Примиряя указанную статическую и динамическую двойственность, *псевдоморфоз* в широком смысле можно определить как *процесс и результат проникновения феноменов одних культур в другие, с последующим заполнением пространства принимающих культур чужеродным содержанием и снижением степени их уникальности и своеобразия, вплоть до их полной утраты*. Кроме того, данный процесс может выражаться в *искажениях феноменов проникающих культур, которые, бытуя в иной среде, преломляются настолько, что перестают соответствовать природе породившей их культуры*. Например, формы проникающих культур могут быть наполнены иным смысловым содержанием.

Псевдоморфозы в культуре имеют самые разные сценарии, степени сложности и масштабы протекания. Культура способна «впитывать» и постоянно пропускать через себя множество феноменов других культур, особенно если речь идет о современных культурах, активно взаимодействующих друг с другом. Она постоянно соприкасается с иными культурными феноменами, «поселяющимися» в ее пространстве или «съедаемыми» им.

Отталкиваясь от аналогий Шпенглера, фиксируемых им на уровне естествознания, цепь рассуждений о явлении псевдоморфоза в культуре можно продолжить, выйдя на уровень фиксации его различных форм и фазовых состояний, опять же по осторожной аналогии с формами данных процессов, выделяемых в минералогии. В данном случае среди таковых в культуре можно выделить те, которые отличаются «*монокультурностью*» проникающего «вещества» либо его одновременной или последовательной «*поликультурностью*», в соотнесении с «*мономинеральными*» и «*полиминеральными*» псевдоморфозами. По масштабу проникновения псевдоморфозы в культуре можно ранжировать на «*полные*» и «*частичные*». По характеру взаимодействия принимающего и проникающего культурного «вещества» они могут не находить точек соприкосновения, постепенно и «*монологично*» сменяясь одно на другое путем «*облекания*», «*замещения*» или «*вытеснения*». Это может быть «*отрицательная*» псевдоморфоза, выраженная в заполнении неких «пустот», т.е. форм других культур, смысловое содержание которых утрачено либо неизвестно. Но в большинстве случаев эти взаимодействия принимают харак-

тер, выраженный в совокупном объединении разнородных культурных составляющих (условно говоря, «агрегативный»). В культуре такое объединение ведет к образованию внутренне разнородного, противоречивого или химеричного целого. В данном ракурсе «агрегативность» *предстает как своеобразная альтернатива «монологу» и «диалогу»* в процессе взаимодействия и смешения феноменов разных культур. Отмеченный спектр аналогий достаточно интересен и вполне может быть применен для описания исторического многообразия рассматриваемого явления.

Читателю может показаться, что переносы процессов, наблюдаемых в природе, на социокультурную сферу ведут к упрощению и вульгаризации знания о культуре и обществе, к его прямому подчинению миру естественнонаучных детерминаций и как следствие к утрате его гуманитарной специфики. Тем не менее отмеченные ситуации, пережив апогей популярности в XIX в., и в XXI столетии для науки остаются нередкими. Конечно, в данном случае не стоит забывать об опасностях прямых и механических отождествлений естественнонаучной и гуманитарной сферы. Однако аналогии (и даже метафоры!), проводимые на уровне сопоставлений процессов в природе и социокультуре, зачастую могут быть интересными и плодотворными, позволяя объяснить процессы, происходящие в обществе и культуре. Для скептиков в качестве примеров подобных аналогий, принесших достойные эвристические плоды, можно назвать многочисленные сопоставления морфологии и процессов развития в живой природе и культуре, применяемые Гердером, Гёте и Н.Я. Данилевским; циклические воззрения многих исследователей, например, П.А. Сорокина, подкрепляемые ими на уровне множества циклов, лежащих в основе природных процессов; «диффузионизм» в исследованиях межкультурных взаимодействий, уже своим названием указывающий на явную аналогию с физико-химическими процессами; эволюционизм в историко-культурных исследованиях, явно связанный с теорией «происхождения видов»; синергетические интерпретации культуры и ее динамики, основанные на нескольких примерах «странного» поведения молекулярных систем, далеких от термодинамического равновесия, и ряд других примеров. Наконец, показательное мнение самого Шпенглера, указывающего, что источником понимания культур как организмов, проживающих свои жизненные циклы, является сама природа, поскольку «средство для понимания мертвых форм – математический закон. Средство для понимания живых форм – аналогия» [8. С. 157].

Анализ различных примеров псевдоморфоза показывает, что в основе данного процесса прослеживается определенная логика и различные сценарии протекания. В данном случае необходимо указать, что любые контакты между культурами сопровождаются различными степенями их взаимопонимания на уровне картин мира, ценностно-смыслового содержания, искусства и т.д. Причем полного тождества и адекватности в данном процессе быть не может. Речь идет о разной степени преломлений одной культуры в пространстве другой, в системе координат, находящейся между полюсами «высокой степени тождества» и «максимального несоответствия» [9. С. 17]. Основу для проявлений псевдоморфоза составляют ситуации «разрывов» и «больших дистанций» между контактирующими культурами. И чем больше дистанция, тем сильнее выражено несоответствие формы и содержания (показательно,

что сам Шпенглер исходил из невозможности культур адекватно понимать друг друга, а значит, псевдоморфичность при их взаимодействии в той или иной степени неизбежна).

Итак, следуя логике Шпенглера, проиллюстрируем некоторые примеры псевдоморфоза в истории культуры, вполне соотносимые с его разными формами и масштабами, отмеченными выше.

Первый яркий пример «монокультурного» псевдоморфоза, зафиксированный еще Шпенглером, касается расширения греческого влияния в мире в период эллинизма. Однако на смену этому влиянию спустя несколько столетий пришла римская доминанта. Рим, будучи достаточно близким типом культуры по отношению к Греции, не стал объектом псевдоморфоза, вступив в диалог с ее наследием; но для культур, испытавших псевдоморфическое воздействие Греции, продолжение вмешательства со стороны Рима стало уже «поликультурным» псевдоморфозом.

Фиксируемая также Шпенглером псевдоморфоза России XVIII в. (XIX–XX вв. характеризуются, скорее, обменом с Европой), хоть и является предметом дискуссий, представляется достаточно интересной. Европа, проникнув в Россию и «сплавившись» с ее культурой, получила возможность в ней «законсервироваться». В этом аспекте компоненты европейского вмешательства, которые проявляются сегодня в России, представляют собой черты «фаустовской» культуры, во многом уже утраченные в современной Европе.

К псевдоморфозам, которые касаются искажений *феноменов проникающих культур*, «преломляемых» в европейской и современной глобальной культурной среде, относятся переосмысления культуры Древнего Египта, упомянутые в начале статьи, а также преломления культуры Китая, берущие свое начало с XVIII в. Увлечение европейцев Китаем привело к «мутациям» китайской культуры, выразившимся в так называемой «китайщине», или стиле «шинуазри», на уровне распространения множества имитаций китайского искусства, в которых при очень низкой смысловой аутентичности даже внешние формы, как правило, носили приблизительный и искаженный характер. Как следствие, в Европе возник свой «как бы Китай», состоящий из стилизаций, стереотипов, замешанных на малой доле аутентичной продукции.

Указанная традиция псевдоморфоза, с учетом различных степеней его протекания, продолжилась в более широком диапазоне на уровне преломлений наследия многих культур Востока в пространстве культуры Запада вплоть до современной эпохи глобализации. В отмеченном случае примеров более чем достаточно, – так, в культуре Запада йога и ушу предстают исключительно как разновидности полезной для здоровья гимнастики; чайная церемония – как сугубо внешний обряд заваривания и питья чая; фэн-шуй – как практика дизайна пространства; китайская живопись – как элемент украшения интерьера с преобладанием декоративных функций; восточные единоборства – как практики умения драться; некоторые практики буддизма – как атрибуты модного образа жизни и т.д. На уровне крайних проявлений рассматриваемых псевдоморфозов уместно указать на опустошенные формы многих традиционных культур Африки, культуры австралийских аборигенов, мезоамериканских культур, которые бытуют в глобальном пространстве в виде «нераскодированных» аутентичных предметов и декоративных «болванок», наполняемых каким угодно смысловым содержанием.

Достаточно интересным примером «отрицательного» псевдоморфоза является английский Стоунхендж – памятник, чья смысловая нагрузка в настоящее время неизвестна. Однако культура, как и природа, «не терпит пустоты». Пустые формы в ее пространстве существовать долго не могут, и при отсутствии общепринятого аутентичного смысла они будут заполнены той нагрузкой, которая будет оптимальна для воспринимающей культуры, с учетом особенностей ее картины мира, семиосферы, ценностно-смысловых оснований, этико-эстетических особенностей и исторического опыта. В таком ракурсе наиболее ранние и наивные интерпретации культуры Египта и Китая, возникшие в Европе в XVIII столетии и бытующие по сей день, являются вполне логичными и представляют собой своеобразный семиозис, который сопровождает принятие феноменов других культур, лишенных аутентичной смысловой нагрузки, в семиосферу принимающей стороны.

В данном аспекте вызывает интерес осуществленный Д.Д. Новгородовой опыт изучения «смысловых преломлений» минералогических музейных образцов псевдоморфоза (окаменелой веревки, мыши, сандалий, розы и др.) на Московском международном форуме художественных инициатив «Instrumenta / Искусство пользы» (Москва, Малый манеж, 2000). Названные экспонаты, представленные в необычном контексте, были восприняты посетителями художественной выставки далеко не однозначно, явив собой «открытые», постоянно меняющиеся и никогда не завершенные «тексты». Отмеченный «эксперимент» проиллюстрировал сложность процесса образования новых смыслов и порождения новых интерпретаций, которые формирует определенная культура, взаимодействуя со знакомыми и незнакомыми артефактами. Одним из аспектов такого семиозиса является целый спектр подобий, рождающих в сознании представителей разных культур соответствующие «симметрические отношения» и связи [10. С. 213–214]. Добавим, что в данном случае ложные подобия, будучи не столь редкими, возникнув в рамках определенных культур, выступают для последних вполне «логичными», т.е. «истинными», отражая их картину мира и семиосферу.

Наконец, самое обширное поле для псевдоморфозы представляет процесс глобализации, вышедший далеко за пределы ареала западноевропейской культуры и проникающий в иные культурные пространства, замещая их содержание. Данный монокультурный «pseudomorphose», направленный на возникновение однополярного мира, получает все большее развитие, породив локализацию в качестве своеобразного механизма противодействия. *Здесь важно указать, что псевдоморфоза возможна только при наличии разнообразия культур. В однополярном мире псевдоморфозам места нет!* Показательно, что сам Шпенглер в работе «Человек и техника» выражал сомнение, что какая-либо культура сможет заменить фаустовскую в вопросах противостояния природе после того, как она захватила весь мир: «Возможно, что появится какой-нибудь поздний, бледный последователь между Вислой и Амуром в следующем тысячелетии; теперь все же борьба между природой и тем человеком, который через свое историческое существование против нее восстал, практически достигла конца» [11. S. 63].

В настоящее время псевдоморфоз становится одной из распространенных форм межкультурного взаимодействия, все чаще принимая «управляемый характер», когда «...чуждая структура не просто воспринимается некой

элитой и затем транслируется с той или иной степенью нажима „вниз“. При управляемом псевдоморфозе осуществляется попытка прямого влияния извне на общество, прежде всего посредством СМИ и различных информационно-коммуникационных систем» [12]. «Гуманитарные технологии» внедрения одних культур в пространство других на сегодняшний день достаточно разработаны и активно применяются многими заинтересованными силами, в целях расширения сфер их влияния и перепрограммирования «наследственного материала» принимающих культур.

Кроме того, псевдоморфозы, проявляющиеся на уровне искаженных представлений о различных культурах, нередко основываются на действии стереотипов и «ожидаемых образов», бытующих на глобальном мире в отношении данных культур. В результате локальные культуры и их наследие, выходя на мировую арену, попадают в уготовленное заранее «прокрустово ложе» стереотипов и упрощенных трактовок, приобретая тот вид, который «встроен» в сознание глобального потребителя. Причем некоторые локальные культуры, позиционируя свое наследие на глобальном пространстве, сознательно ориентируются на обозначенные клише, что ведет к сильным трансформациям и «мутациям» их наследственного материала.

Таким образом, ситуации псевдоморфоза во многом обусловлены проблемой адекватной интерпретации феноменов других культур, контакты между которыми в любом случае не будут полностью лишены искажений друг друга. Понять другую культуру абсолютно адекватно и в полном соответствии ее «образу мира» – задача трудновыполнимая даже на уровне отдельного человека. Этот процесс, будучи основан на гештальт-переключениях с одного образа мира на другой, требует больших усилий и затрат времени. *Может ли современное глобальное общество полностью осуществлять такие переключения? Вероятнее всего – нет.* Но повысить степень приближения к адекватному пониманию других культур, при реализации соответствующих просветительских программ и стратегий, ему вполне по силам.

Также необходимо учитывать, что глобальный мир являет собой сложное системное образование культуры, имеющей свой масштаб восприятия и обобщения феноменов локальных культур. Богатый материал, накопленный в таких культурах, на глобальном уровне не может сохраняться и усваиваться во всем многообразии своих проявлений. Тотальной грамотности в отношении глубокого постижения каждой культуры добиться крайне трудно и, вероятно, практически невозможно. Как следствие, генерализация общекультурного многообразия в глобальном мире ведет к некоторой утрате и нивелированию его частных сторон. В таких условиях встает актуальная задача отсева или «сжатия» материала локальных культур до минимума, при сохранении его способности войти в глобальный диалог, эффективно позиционируя стержневые основы породившей его культуры. Не попасть в ловушку предрассудков и «ожидаемых образов», ведущих к псевдоморфозу, в данной ситуации достаточно сложно.

Тем не менее следует учесть, что глобальная культура сама по себе не призвана «захватывать» локальные культуры и «размывать» их в единую, гомогенную среду. На сегодняшний день специфика многих культур на локальном уровне сохраняется, обновляется и транслируется во всей своей

сложности. При этом в тех же культурах оформляется и успешно транслируется особый пласт феноменов, востребованных на глобальном уровне. Отмеченная двоякость, будучи вполне объяснима с точки зрения устройства современного мира, находит яркое проявление во многих культурах, в том числе и в России. В результате потребитель может распознать два пласта локальных культур – внутренний, наиболее содержательный и полноценный, и глобально ориентированный – более простой, фрагментарный и псевдоморфичный.

Список источников

1. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.
2. Горная энциклопедия / гл. ред. Е.А. Козловский; ред. кол.: М.И. Агошков, Н.К. Байбаков, А.С. Болдырев и др. Т. 4: Ортин – Социосфера. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 623 с.
3. Kottanek A.M. Oswald Spengler in seiner Zeit. München: Verlag C.H. Beck, 1968. xxx, 527 S.
4. Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия). СПб.: Лань, 1998. 384 с.
5. Флоровский Г.В. Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. 848 с.
6. Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Zweiter Band. Welthistorische Perspektiven. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, Oskar Beck, 1922. 635 S.
7. Королев С.А. Феномен псевдоморфозы: попытка реинтерпретации // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 1 (25). С. 36–46.
8. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Эксмо, 2006. 800 с.
9. Леонов И.В., Харитонова М.А. Метаморфозы искусства в контексте новых типов культуры // Культура и образование. 2018. № 1. С. 14–24.
10. Новгородова Д.Д. О псевдоморфозах // Живой камень: от природы к культуре / отв. ред. и сост. Л.О. Зайонц. М.: Ин-т мировой культуры МГУ, 2015. С. 213–214.
11. Spengler O. Der Mensch und die Technik / Beitrag Zu Einer Philosophie des Lebens. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, Oskar Beck, 1931. 89 S.
12. Балагуров О.А., Океанский В.П. Неопатристический синтез как ответ на вызовы управляемого псевдоморфоза // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7161> (дата обращения: 17.04.2019).

References

1. Spengler, O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History]. Vol. 2. Translated from German by I.I. Makhankov. Moscow: Mysl'.
2. Kozlovskiy, E.A. (ed.) (1989) *Gornaya entsiklopediya* [The Mining Encyclopedia]. Vol. 4. Moscow: Sov. Entsiklopediya.
3. Kottanek, A.M. (1968) *Oswald Spengler in seiner Zeit*. München: Verlag C.H. Beck.
4. Jonas, G. (1998) *Gnostiitsizm (Gnosticheskaya religiya)* [Gnosticism (Gnostic religion)]. St. Petersburg: Lan'.
5. Florovskiy, G.V. (2009) *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Moscow: Institute of Russian Civilizations.
6. Spengler, O. (1922) *Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. Band 2. München: C.H. Beck.
7. Korolev, S.A. (2015) Fenomen psevdomorfozy: popytka reinterpretatsii [The phenomenon of pseudomorphosis: an attempt at reinterpretation]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 1(25). pp. 36–46.
8. Spengler, O. (2006) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii: Geshtal't i deystvitel'nost'* [Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History: Gestalt and Reality]. Translated from German by K.A. Svasyan. Moscow: Eksmo.

9. Leonov, I.V. & Kharitonova, M.A. (2018) Metamorfozy iskusstva v kontekste novykh tipov kul'tury [Metamorphoses of Art in the Context of New Types of Culture]. *Kul'tura i obrazovanie*. 1. pp. 14–24.

10. Novgorodova, D.D. (2015) O psevdomorfozakh [About pseudomorphoses]. In: Zayonts, L.O. (ed.) *Zhivoy kamen': ot prirody k kul'ture* [A Living Stone: From Nature to Culture]. Moscow: Moscow State University. pp. 213–214.

11. Spengler, O. (1931) *Der Mensch und die Technik / Beitrag Zu Einer Philosophie des Lebens*. München: C.H. Beck.

12. Balagurov, O.A. & Okeanskiy, V.P. (2012) Neo-patristic synthesis as response to the challenges of the managed pseudomorphs. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 5. [Online] Available from: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7161> (Accessed: 17th April 2019).

Сведения об авторе:

Леонов И.В. – доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры; старший методист Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ivaleon@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Leonov I.V. – St. Petersburg State Institute of Culture (St Petersburg, Russian Federation). E-mail: ivaleon@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.04.2019;
одобрена после рецензирования 06.05.2019; принята к публикации 30.08.2022.
The article was submitted 26.04.2019;
approved after reviewing 06.05.2019; accepted for publication 30.08.2022.